

Во-вторых, формирование социально ориентированной экономики Казахстана должна предполагать проведение реформ, направленных на повышение жизненного уровня населения. Процесс формирования социальной политики в Казахстане в условиях суверенитета должен характеризоваться поиском новых форм, разработкой надёжных механизмов реализации мер социальной защиты населения, соответствующих международным стандартам;

В-третьих, цель проводимых социальных реформ сегодняшнего дня состоит в постепенном переходе от административно-распределительных к преимущественно экономическим методам мобилизации и использования ресурсов для социальной сферы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Данаева З. Социальная ответственность бизнеса // Казахстанская правда. 2008, 5 февраля.

2. Шулембаева Р. Грани социальной ответственности бизнеса // Казахстанская правда. 2008, 16 мая.
3. Сағалиев К. Экономические преобразования в Казахстане: опыт и перспективы // Евразийское сообщество. 2001, – №3.

Түйіндеме

Соңғы жылдары әлемдік сауда ұйым және әлемдегі елу дамыған мемлекеттер қатарына кіру мақсат жолында мемлекет, қоғам мен бизнестің арасындағы қарым қатынастар пен бизнестің әлеуметтік жауапкершілік жайында пікір талас болып жатыр.

Conclusion

Before entering of Kazakhstan to the World Trade Organization and to the number of fifty's developed countries of the world, more and more discussions disappeared around the topic of social business responsibility, dialogue between countries, society and business.

КНИГА – ПОЗИЦИЯ.

(О КНИГЕ КОЛДЫБАЕВА С.А. «МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ И СОВЕТСКАЯ ПЕРЕСТРОЙКА» - КОСТАНАЙ : КГУ, 2009. 97 С.)

Бондаренко Ю.Я.

Отпечатанная в типографии КГУ им. А.Байтурсынова книга профессора Колдыбаева С.А. видится одним из самых интересных событий в интеллектуальной жизни Костаная последних лет. Уже сама тема работы, представляющей собой своеобразный сплав многолетних сугубо научных изысканий автора и публицистики, не может не привлечь внимание любого, кто пытается размышлять над событиями отечественной истории последних десятилетий. Сплав же научности и публицистичности делает ее еще более привлекательной, ибо перед нами не образец сухого академизма дипломированного представителя официальной науки, а живые, подчас болезненные раздумья над мучительнейшими проблемами современности.

Конечно, книга не бесспорна. Кто-то из специалистов – социологов мог бы пожелать иных, более разнообразных и в чем-то «более современных» подходов к определению массового сознания, рассмотрению его взаимосвязей с таким явлением, как массовая культура и т.д., и т.п. Но подобные претензии можно практически предъявлять до бесконечности к работе, носящей исследовательский характер, так как исчерпать все возможные подходы к многогранной проблеме такого рода фактически невозможно. Поэтому, не отрицая возможных уточнений и даже полемики относительно существенных характеристик и исторических аспектов массового сознания, хотелось бы только отметить, что в самой, ограниченной по объему книге, рассмотрение мас-

сового сознания как такового органически связано с живым, пристрастным рассмотрением сложнейших процессов времен Перестройки, и, прежде всего состояния массового сознания и специфики его трансформации в этот период колоссальнейших, по сути своей революционных перемен в жизни самой большой страны на нашей планете. При этом, сопоставляя революционные перестроечные изменения в жизни СССР с рядом предшествующих революций, автор обращает внимание на то, что, по его мнению, «в перестройке именно массовое сознание, а не идеи, не теория сыграли существенно важную роль в судьбах некогда великой страны, какой был Советский Союз, сломе в нем существующего общественно-политического строя» [1;5].

Столкнувшись с таким утверждением, можно было бы возмутиться, воскликнув, что у Перестройки были свои, хорошо известные теоретики и идеологи. Но интереснее и полезнее было бы попытаться понять логику автора, исследующего именно массовое сознание, с его размытостью – «со сломанными внутри перегородками» [1;10] и доминированием эмоционально-образных составляющих. Логика же эта ведет к попыткам рассмотрения не только специфики массового сознания времен Перестройки, но и способов манипулирования этим сознанием. Обходя вопрос об истоках взглядов автора работы и их созвучии с позициями других ученых и публицистов, хотелось бы обратить внимание на то, что перед нами достаточно целостная книга – книга позиция, в которой автор не просто кого-то цитирует, кого-то опровергает, а недвусмысленно определяет свою собственную точку зрения, что, как ни покажется странным, в наши дни декларируемого плюрализма требует интеллектуального мужества. Главное же достоинство рассматриваемой книги, пожалуй, в том, что, будучи насыщенной богатым фактическим материалом, она при этом будит собственную мысль читателя, не оставляет его равнодушным.

Уже авторский вопрос о том, «существовали ли вообще достижения в формировании массового сознания социализма или нет» [1;20] заставляет всерьез задуматься над периодом, предшествовавшим Перестройке и соотнесенности деклараций и лозунгов с действительностью, показушностью и тем, что автор назвал [1;21] «показным атеизмом». Увы, мотор колоссальной советской пропагандистской машины делал немало холостых оборотов. Было и лицемерие, тонко высвеченное в замечательном произведении Нодара Думбадзе «Закон вечности».

Может показаться спорным, но, по мысли автора, Перестройка не только активизировала массы, но и всколыхнула предрассудки, включая и «пережитки» национализма. Однако такой ход мысли будет вполне понятным, если вспомнить, что эмоционально-образная составляющая – важнейшая в массовом сознании. С другой стороны, именно подчеркнутая в книге «вера в печатное слово» позволила разнообразным изданиям превратиться в орудия манипуляции общественным сознанием времен Перестройки.

В итоге, согласно монографии, в перестроечном СССР стали наблюдаться «деатеизация сознания», «отказ от монизма в идеологии и его замена идейным плюрализмом», хотя здесь именно массой далеко не все воспринималось однозначно. Возросла эмоциональная ценность личной свободы. Наряду с этим, по мысли автора, явно просматриваются незавершившиеся процессы нравственного разрушения общества. «Особенно активно в этом плане телевидение. Идут бесконечные сериалы о бандитах и мошенниках, вульгарные реалити-шоу, пропагандирующие паразитизм, безответственность и бессмысленную развлекаловку. Нашествие сексуальной пропаганды, в том числе гомосексуальной, особенно поразительно в стране (речь идет о России), где смертность в два раза превышает рождаемость ... во многом калькированные с американских образцов юмористические передачи просто невозможны для

восприятия человеком с нормальным неиспорченным чувством юмора.

Поневоле возникает умозаключение, что деятельность отечественных СМИ подчинена странной сверхзадаче, а именно – оболваниванию аудитории, превращению людей и, прежде всего, молодежи, в подобие римской черни, жаждущей хлеба и зрелищ, т.е. в биомассу, которой можно легко манипулировать» [1;30]. И при всем этом на российском телевидении «царит американское кино».

Вполне понятно, что читатель вправе не согласиться с теми или иными конкретными оценками автора, однако в книге звучит беспокойство, разделяемое многими из тех, кому не безразличны судьбы наших стран.

Большой интерес вызывает и высвечивание разорванности и противоречивости массового сознания, а также неоднозначности данных собственно социологических исследований. Так, например, следуя данным российской печати, автор пишет: «Несмотря на то, что религиозная вера среди основных ценностей у петербургской молодежи находится на последнем месте, в ответах на прямой вопрос о религиозности верующими называют себя более половины молодых петербуржцев и молодежи Ленинградской области... Как свидетельствуют российские СМИ, 48% петербургской молодежи положительно относятся к возможности преподавания основ преподавания православной культуры». Причем с возрастом число одобряющих введение этого предмета растет. Иными словами, и предмет одобряют, и к православным себя причисляют, а руководствуются иными ценностями.

Все отмеченное автор причисляет к «развивающимся негативам массового сознания». Вполне понятно, что здесь люди разных вкусов и разных убеждений могли бы поспорить, хотя, в данном случае, именно спорность представляет особый интерес: раз кто-то готов оспаривать, значит, задевает за живое.

Но трудно, практически невозможно оспаривать мысль о взаимосвязи массово-

го сознания и других граней социальной реальности, а также констатации печального положения о том, что «бурное половодье перестройки в транзитный период вынесло на социальную поверхность не только здоровые предприимчивые силы, но и пену, в лице разного рода ловкачей, демагогов, рвачей. Последние. Пользуясь переломностью исторического момента, сумели обогатиться, создать разного рода мафиозные группы, нажиться нечестным путем» [1;36].

Важной особенностью монографии является и то, что не просто автор четко определяет свою позицию, не просто дает оценки, а и подкрепляет разнообразными данными социологических исследований, свидетельствующих, по его убеждению, о направленности и динамике процессов направленной обработки массового сознания в годы Перестройки. Одной из начальных ударных сил стала гласность, сделавшая достоянием открытой печати то, что прежде проходило через «Самиздат». Вышли в свет и книги, написанные в предперестроечное время. Вызванный ими резонанс был велик, хотя художественные достоинства самиздатовской литературы были невысоки.

Опять-таки, и здесь возможна самая ожесточенная дискуссия. Но дискуссия, направленная не на апологетику или охивание, а на серьезный анализ. Пока же можно отметить, что, как свидетельствуют примеры из истории, даже Нобелевские премии (например, по литературе и не только) давались с учетом политических процессов. Как бы то ни было, а обозначенная в книге позиция побуждает к самостоятельным поискам истины.

Далее, «к концу перестройки в дело вступили толстые журналы, а потом и газеты. Это была уже завершающая стадия. Как только была пройдена точка невозврата (август 1991г.), потребность в антисоветском оболванивании интеллигенции отпала» и тиражи газет и журналов стали резко сокращаться. Так, если в 1990 г. тираж общий тираж, издаваемых в РСФСР журналов составлял 5010 млн.

экземпляров, то в 1992 – 925 млн., а в 1995 – 229 млн. экз. «Падение в 5 с лишним раз за 2 года и в 25 раз за 5 лет!» Похожая, но еще более драматичная картина наблюдалась и в сфере кино. В 1985 году в кинотеатрах РСФСР было 2263 млн. посещений, а в 1997 – 40 млн. «В 55 раз меньше!» [1;42].

Здесь можно сколько угодно спорить об управляемости упомянутым процессом, о сочетании управляемости и спонтанности, называть упрощением слово «оболванивание» и т.д., но уже само поле для дискуссий свидетельствует о реальности затрагиваемой проблемы.

Достойным дискуссии представляются и дерзкие (хотя, пожалуй, и не сугубо индивидуальные, ибо здесь целая тенденция) рассуждения о Булгаковском «Собачем сердце»: «Можно только поражаться. Как сумели идеологи встроить в нашу культуру разрушительную для ее этического строя аллегория «Собачье сердце» – не как шокирующий жестокий эксперимент над моралью, а как набор вполне приемлемых установок. Образ Шарикова вошел как метафора не только в идеологию, но и в обыденное сознание как отображение типичного советского человека, а профессор Преображенский стал положительным героем, изрекающим нормативные афоризмы.

Но ведь это, паразитирующий на номенклатуре профессор – образ сверхчеловека. Присвоивший себе право создать из двуногого человека, не нести за него никакой ответственности, а затем уничтожить его. Конечно, Булгаков, озлобленный на «Шариковых», испытывал к своему герою симпатию. Но ведь людей просто заставили путем промывания мозгов полюбить этого профессора – как раньше заставляли любить Павку Корчагина. Николай Островский – не Булгаков, в душу влезть и вреда там нанести не мог. Да и образ Павки в целом соответствовал обыденной морали, разрушения в ней не производил» [1;79].

Можно представить, какую бурю негодования способны вызвать такого рода сентенции. Должен признаться, что сам я

воспринял и книгу Булгакова, и ее экранизацию совершенно иначе. Булгаков – один из моих любимых авторов, и далеко не по каким-то идеологическим соображениям. Спорна и мысль о соответствии образа Павки обыденной морали. Как заметил замечательнейший российский критик – Павка Корчагин – «советский святой». А поступки святых, что видно и по роману «Как закалялась сталь» с обыденными, привычными ценностями и эталонами поведения не всегда вяжутся.

Но для меня лично в такого рода пассажах замечательным представляется то, что они будоражат мысль. И в самом деле, если провозглашается плюрализм, то почему все должны хором, как еще недавно Ленину, КПСС, петь дифирамбы Пастернаку, Булгакову, Гумилеву, Сахарову, И.Бродскому? Почему опять (в который раз!) мы снова должны идти в ногу в угоду уже нынешней интеллектуальной моде и господствующим вкусам?

Однако проблема отнюдь не сводится к тому или иному отношению к Булгакову, Солженицину или иным знаменитостям. Вопрос в том, как при колоссальном потенциале современных СМИ могут использоваться и художественные произведения для манипуляции массовым сознанием или, выражаясь мягче, для направленного воздействия на него? Вполне понятно, что эту сложнейшую проблему абсурдно сводить только к манипулированию в его упрощенном понимании. Творцы и бунтари – не марионетки, которых легко дергать за ниточки и тот же перестроечный Тальков, как представляется, совершенно искренне пел о «Господах демократах...» Но в том-то и сложность проблемы, что искреннее неприятие зла может превращаться в хворост для жарких костров новых злодеяний, а отторжение фальши и лжи одного рода (или того, что кажется абсолютной ложью) способно оказаться наживкой для заглатывания и массами, и немалой частью «интеллектуалов» новых видов обмана.

Каковы же выводы?

Телевидение, ставшее в условиях резко сужения воздействия печатного слова и сокращения числа кинотеатров властителем дум. По мысли автора доходит до «информационного садизма». Техника теле – манипулирования массовым сознанием, как продемонстрировано в книге, может быть сведена к следующему:

- 1) к использованию семантики, эстетики и темпов при ведении программ;
- 2) отбрасываются элементарные этические нормы и создается иллюзорная реальность;
- 3) атакуются всевозможные табу, и разрушается культурное ядро социума., что включает и глумление над страданиями, болью и «тайнством смерти», четко проступающее, в частности, при демонстрации российскими СМИ Чеченской войны, демонстрации, безжалостной и по отношению к собственной армии... «Зрелище смерти явно использовалось телевидением для стравливания народов в целях «растаскивания» полуразрушенной «империи зла» [1;47].

Более того, «натравливание на советский строй малых народов» автор исследование вообще называет «особой программой». Можно, конечно, спорить о терминах, критически и суперкритически относиться к советскому прошлому. Но в монографии читателю демонстрируются явные примеры подтасовок и фальсификаций. Так, цитируя утверждение российского автора о том, что в СССР малые народы оказались на грани вымирания, С.А.Колдыбаев воспроизводит таблицу изменения численности малых народов Советского Союза с 1959 по 1989 гг., свидетельствующую о том, что за этот период их численность возросла [1;86-87]. Демонстрируются и иные примеры односторонней или прямо сфальсифицированной подачи информации в массы. Тут хотелось бы отметить, что собственно авторы телепередач, статей и т.д. совсем не обязательно должны быть прямыми инструментами во враждебных нашим странам ру-

ках. Рецензенту представляется, что процесс манипулирования сознанием далеко не линейен, но он неизбежно связан с тем, что, вслед за другими, охарактеризовано автором монографии, как революция определенного рода. Революция, затронувшая, помимо прочего, и целевые установки, и методы подачи информации либо ее суррогатов, ибо превращение информации в товар, который обязательно следует продать по максимальной цене автоматически ведет к поискам сенсационности, привлечению зрительского и читательского внимания любой ценой, а, следовательно, к этической всеядности и сокрушению всяких нравственных барьеров. Как говорили еще древние римляне – деньги не пахнут...

Следует отметить, что автор отнюдь не ограничивается лишь феноменом массового сознания как такового и тем, что обозначено в книге, как современные способы и формы его манипуляции. Проблемы массового сознания рассматриваются в тесной связи с трагическими событиями последних десятилетий. Здесь и Беловежская пуца, и информационная война против Белоруссии, и многое иное.

В целом книга дает немалую пищу для мысли. Позволяет задуматься не только над прошлым, включая и совсем недавнее, но и над сегодняшним днем. Позиции, защищаемые автором, не бесспорны. Но они не являются плодом только его личных фантазий и пристрастий, а выражают трагичнейшие противоречия современности. Немалую ценность представляет и то, что перед нами книга – остро полемическая, но лишенная узко национальных или конфессиональных амбиций. И при этом написанная на Востоке СНГ. Все это вместе взятое делает работу С.А. Колдыбаева достойной дискуссий и заметным явлением не только в Костанайской области, но и общеказахстанской обществоведческой мысли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колдыбаев С.А Массовое сознание и советская перестройка. – Костанай: КГУ, 2009.

Түйіндеме

Профессор С.А.Қолдыбаеваның кітабы А.Байтұрсынова атындағы кгу басылған баспаханаларда соңғы жылдардың Қостанайдың зияткерлік өміріндегі өзі қызықты оқиғалары бірді көреді. Автор және публицистиканың іздеулерінің көп жылдық тек қана ғылымыларын өзіндік балқыма жұмыстың өздің тақырыбы, ұсынатын өзіменмен енді, соңғы он жылдықтардың отандық тарихының оқиғаларының үстінде ойлануға тырысқан алмайды.

Conclusion

Printed in the printing-house of KGU the name of A.Baytursynova the book of professor Koldybaeva s.A. is seen one of interesting events in intellectual life of Kostanaya of the last years. Already the theme of work, being an original alloy of long-term especially scientific researches of author and publicism, comes into any notice, who tries to reflect above the events of domestic history of the last decades.

ИСТОКИ ВОЕННОГО ДЕЛА КОЧЕВЫХ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ**Балгабаева Г.З.**

При анализе истоков военного дела кочевых народов Евразии большинство исследователей подчеркивает роль охоты, особенно, облавной охоты, для зарождения военного искусства. Так, В.Н. Кун предполагал, что кочевому скотоводству «предшествовало непрерывное следование охотников за стадами животных» [1;20]. Выдвинута также гипотеза о происхождении кочевого скотоводства у подвижных (бродячих) охотничьих народов, населявших в эпоху бронзы районы Евразии, сопредельные с лесостепными и аридными территориями, заселенными оседлыми земледельцами-скотоводами. Предки бедуинов заимствовали вначале ослов, затем верблюдов; предки степных кочевников Евразии – вначале лошадь, затем мелкий и крупный рогатый скот [2].

Роль охоты, как особой ступени на пути перехода к кочевому образу жизни, подчеркивает Н.Э. Масанов [3;35-37]. Один из современных исследователей военного дела кочевников, А.К. Кушкумбаев считает, что «в становлении и эволюции военного искусства кочевников...ведущее значение имели способы, приемы и методы облавной охоты» [4;43].

Известный казахстанский исследователь К.А. Акишев считал, что ряд технических новшеств, таких как создание искусственных водоемов (колодцев), верховой езды, появились на территории

Казахстана уже в XIV-XI вв. до н.э., т.е. в период развитой бронзы [5;44]. Уже в IX-VIII вв. до н.э. в Центральном и Юго-Восточном Казахстане осуществляется переход к кочевому хозяйству, когда «складывается круглогодичное кочевание и окончательно сложилась система последнего распределения пастбищ и водных источников» [5;45]. В то же время, традиции комплексного хозяйства продолжались. Е.Е. Кузьмин отмечает, что 1 тыс. до н.э. «в степях идет интенсивный поиск наиболее прогрессивных форм, соответствующих определенным экологическим нишам. Появление больших поселений..., огромных многокамерных домов..., разнообразие типов и высокий КПД серпов и их массовое производство... указывает на переход части населения степей к более интенсивному хлебопашеству» [6;92]. Своеобразный хозяйственно-культурный тип, сочетавший полукочевые и полуоседлые формы скотоводства сложился в Северном Казахстане [7].

Как мы видим, кочевое скотоводческое хозяйство сформировалось не на базе охоты, а на базе комплексного земледельческо-скотоводческого хозяйства эпохи бронзы. Теория генетической взаимосвязи охоты и кочевничества является умозрительной и опровергается всеми историческими фактами. Другое дело, что с появлением и развитием кочевничества охота, особенно облавная ее фор-